

ПРОЕКТ «ЧЕЧНЯ 2.0». РАМЗАН КАДЫРОВ ПЕРЕЗАКЛЮЧИЛ СВОЙ ДОГОВОР С РОССИЙСКОЙ ВЛАСТЬЮ

ВАДИМ ДУБНОВ | МАРТ 2016

Сегодня в Чечне ничего не напоминает о войнах и разрушениях 1990-х — начала 2000-х годов. Восстановление Чечни стало возможным во многом благодаря негласному договору, заключенному в 2000 году между федеральным центром, а точнее, лично президентом Владимиром Путиным и назначенным им главой Чеченской Республики (ЧР) Ахматом Кадыровым. Эта договоренность — по сути, личная уния — стала основой не только особых взаимоотношений ЧР и РФ, но и современной модели развития Чечни. Фактически была создана феодально-колониальная конструкция отношений, в рамках которой один чеченский клан получал от метрополии масштабную поддержку и исключительные преференции в обмен на общую лояльность и выполнение определенных условий.

Договор действует уже полтора десятилетия. Он пережил убийство Ахмата Кадырова в 2004 году и паузу перед формальным приходом к власти его сына Рамзана. За эти годы договор породил множество противоречий, так что проблемы, которые стоят в последнее время перед Рамзаном Кадыровым, появились не в одночасье. Москва больше не чувствует себя обязанной поддерживать отношения с Чечней на его условиях. Соответственно, пришло время для пересмотра контракта, на этот раз на условиях Москвы. Рамзану Кадырову приходится соглашаться с тем, что Чечня теряет признаки экстерриториальности, а его собственные эксклюзивные права ограничены. Тем

не менее обе стороны по-прежнему заинтересованы друг в друге, и новый договор обещает быть долгосрочным. Рамзан Кадыров готов на многое, чтобы остаться одним из его соавторов.

■ ■ ■

В разгар второй военной кампании в Чечне, когда за пределами республики мало кто слышал про Рамзана Кадырова, его отец, Ахмат Кадыров, назначенный Кремлем главой республиканской администрации, сидел в родном Гудермесе, который и предлагал сделать столицей Чечни вместо Грозного. Во время одного интервью

ОБ АВТОРЕ

Вадим Дубнов — обозреватель радио «Эхо Кавказа» (проект «Радио Свобода/Свободная Европа»).

в кабинете Кадырова раздался звонок, и глава республики, давший указание ни с кем не соединять, вынужден был снять трубку. Не скрывая раздражения, он несколько раз отрезал: «Нет!» — хотя было понятно, что звонят оттуда, где к таким ответам не привыкли. «Так и передайте, — сказал он, — никакого Суркова, я встречаюсь только с президентом Путиным!» И, положив трубку, резюмировал, усиливая произведенное на интервьюера впечатление: «Вот так-то лучше...»

Успех кремлевского «проекта «Кадыров» казался в то время сомнительным. Но прошло 15 лет, закончилась война, заново был отстроен Грозный, а «проект» продолжается. Его дальнейшее существование, однако, требует уточнения и даже пересмотра условий контракта.

ПЕРВЫЙ КОНТРАКТ

Вопреки распространенному представлению, чеченская проблема не была прямым следствием стихийной федерализации начала 1990-х годов. По крайней мере, не столь прямым, как, скажем, положение Татарстана, который сумел на время реализовать модель более или менее асимметричной федерации. Она, впрочем, оказалась не слишком устойчивой¹. Чечня же не предлагала никакой модели. Она вульгарно интерпретировала суть татарстанской модели, бескомпромиссно доведя требования автономности элит до идеи их полной неподконтрольности в условиях государственной независимости. Первый президент Чечни Джохар Дудаев апеллировал к татарстанскому опыту², пытаясь явочным порядком формализовать случившуюся вольницу, но это ему не удалось.

«Проект «Кадыров» по сути был продолжением кремлевской логики «чеченизации» конфликта. Именно с ее помощью Кремль пытался решить проблему Чечни с самого начала — организовав перед самой войной, в ноябре 1994 года, вооруженное выступление антидудаевской оппозиции. Эту линию продолжили попытки создать альтернативную власть. Из Москвы в Чечню командировали чиновников чеченского происхождения. Сначала это

был Саламбек Хаджиев, который вскоре благоразумно самоустранился, затем Доку Завгаев. Власть обоих не распространялась за пределы центра Грозного. Иначе говоря, с чеченской проблемой пытались справиться теми средствами, которыми веками решались проблемы имперского управления.

При всей ее значимости и принципиальности, Чечня ни при Борисе Ельцине, ни на раннем этапе президентства Владимира Путина не воспринималась как системная федеральная проблема. Чечня оставалась периферийной темой даже по сравнению с Татарстаном, который считался одним из главных, несущих элементов федеральной конструкции. Соответственно, саму идею «чеченизации» специально не разрабатывали, она была взята из опыта колониальной практики. До «призыва» Кадыровых Москва делала ставку на внешнее управление.

Поначалу казалось, что «проект «Кадыров» не внесет серьезных изменений в колониальную практику. Предпочтение было отдано одному из местных кланов, который, соответственно, ждал помощи от внешнего центра в борьбе с конкурентами. Это и стало основой контракта Кремля с Кадыровыми, сначала Ахматов, потом Рамзаном, — уничтожение соперников было общей задачей обеих сторон.

Во время первой чеченской кампании Москва не могла сделать ставку на какую-то альтернативную силу внутри Ичкерии. Реальные возможности для этого появились только между войнами — благодаря расколу ичкерийских элит. Однако до возобновления в 1999 году боевых действий однозначных ставок Москва делать не решалась, хотя контакты с возможными кандидатами были. Искали партнеров не столько политических, сколько военных: нужны были люди, за которыми стояла бы реальная боевая сила. С началом второй кампании поиск таких контактов стал едва ли не основной задачей, поставленной Кремлем перед российскими спецслужбами.

«Кастинг» поначалу выиграли братья Ямадаевы³, Руслан, Джабраил и Сулим, контролировавшие Гудермес и некоторые предгорные районы. Ямадаевы рассорились с Шамилем Басаевым практически сразу после первой войны. Антифедеральное боевое прошлое смотрелось такой же естественной частью их биографии, как Казахстан в графе «место рождения» в документах большинства взрослых чеченцев. Разве не среди таких людей следовало искать тех, кто мог осуществить реальный контроль?

В тот момент политические ставки были для Москвы не так важны. Ямадаевы к Ахмату Кадырову относились со снисхождением — так смотрят настоящие племенные вожди на вынужденных опираться на их боевую мощь политиков. А Рамзан Кадыров был для них, как и для всей ичкерийской элиты, кем-то вроде курьера — помощника своего отца, терпеливо ожидавшего в приемных. Такое отношение к Кадыровым, в целом по тем временам вполне доброжелательное, было в Чечне повсеместным.

Возможно, Ахмат Кадыров, даже облеченный высшим доверием Кремля, но лишенный военной самостоятельности, рисковал повторить судьбу своих аппаратных предшественников, не способных реализовать ни одно из собственных решений. Возможно, кризис, который в этой ситуации был бы неминуем (и который все равно разразился, правда, быстро закончился благодаря оперативному физическому устранению соперников Кадырова), в итоге вывел бы на первые роли в Чечне не сомнительного религиозно-политического авторитета, склонного к интриге и переговорам, а лидера военно-криминального склада с диктаторскими наклонностями.

Не исключено, что гибель Кадырова-старшего в результате покушения в 2004 году позволила Кремлю минимизировать издержки и избавила от повторения былых неудач. Вполне вероятно, внутренняя конфронтация в Чечне пошла бы на новый виток — и о возвращении республики под федеральный контроль пришлось бы забыть.

Контракт, заключенный с Ахматом Кадыровым, однако, не утратил силу после его внезапной смерти. Он был переписан и конкретизирован под его сына Рамзана.

ЧЕЧНЯ ПО РАМЗАНУ КАДЫРОВУ. ПОИСК МОДЕЛИ

Рамзана Кадырова нельзя назвать харизматическим лидером. И он не белорусский президент Александр Лукашенко, который, по мнению многих россиян, воплощает подлинный порядок. Тем не менее спустя всего несколько лет после воцарения Рамзана многие соседи чеченцев по Северному Кавказу стали испытывать к ним некоторое подобие зависти. Возможно, это чувство охватило бы и другие регионы страны, если бы не повсеместная российская кавказофобия.

Всего за несколько лет до этого сама мысль о том, что Рамзан унаследует власть отца, вызвала бы улыбку и у переставших чему-либо удивляться чеченцев. Впрочем, даже оппоненты Кадырова из числа оставшихся в Чечне правозащитников предупреждали, что недооценивать Рамзана — ошибка. Может быть, говорили они, в нем и не много от интеллектуала, но за звериной хваткой таится природная смекалка, а еще в Рамзанае есть что-то такое чеченское — и это очень трудно описать нечеченцу.

Чеченцы относились к Кадырову-младшему без особой симпатии, но как к своему — даже когда он начал пренебрегать традициями и нарушать их. Так, чеченцев, вне зависимости от политических пристрастий, корбило одобренное им глумление над трупом Аслана Масхадова — человека старше его и к тому же соратника, пусть и бывшего, его отца. Но бывало, что именно к Рамзану обращались за помощью правозащитники, у которых федералы конфисковали пленки, и после вмешательства Кадырова записи возвращались. Все прекрасно понимали, что в основе сложившейся ситуации — противостояние Кадырова и московских «людей в погонах», но именно это противостояние создавало особое и освобожденное от Москвы пространство, в котором некоторое время можно было спокойно существовать.

«Проект «Кадыров» уже тогда укладывался в гораздо более широкий контекст, о котором, впрочем, никто еще не задумывался. Решения принимались ситуативно, цель была по-прежнему одна — закрыть чеченскую проблему любой ценой, но формула «федеральной вертикали» тогда, в самом начале 2000-х годов, уже начинала складываться: за спокойствие на вверенной территории ответственному за нее будет прощено все и будет оказана любая посильная помощь — и деньгами, и политическими ресурсами.

Эта модель была значительно проще системы балансов и договоренностей, которую Кремль вынужден был выстраивать до 1999 года. В отдельных регионах правителю позволялось быть автократом, но, скажем, в Кабардино-Балкарии или Башкирии местные элиты завоевывали это право десятилетиями, еще с советских времен. В большинстве же случаев федеральная власть занималась поисками баланса — причем, как правило, без особого успеха. Идеальным примером такого подхода был Дагестан, как будто созданный для многополярности, — долгое время управлять им было доверено советскому еще руководителю Магомедали Магомедову, с ним Дагестан вступил и в первую чеченскую войну, и во вторую, и вообще в путинскую эпоху.

Новую модель Кремль нащупывал интуитивно, все еще веря, что можно выстроить отлаженную вертикаль. Но уже понимая, что придется учитывать разграничение полномочий, договоренности ельцинских времен, формальные и неформальные, теперь утратившие актуальность. Нужно было устранить на местах всех вчерашних и несистемных сильных людей — чтобы ничто не мешало кремлевскому сильному человеку править единолично сегодня. Еще не шла речь о таких фигурах, как мэр Москвы Юрий Лужков или президент Башкортостана Муртаза Рахимов, — на повестке дня была Чечня, и проблему необходимо было решить любой ценой. Что будет потом, никто не задумывался — настолько невыполнимой казалась задача.

Новое решение только поначалу выглядело традиционно колониальным — в результате территория, формально вернувшаяся под контроль центра, перешла фактически в формат параллельного управления. Ахмату Кадырову был выдан карт-бланш, который соответствовал масштабам стоявшей задачи. Ставка при этом была сделана на стиль управления — на региональном уровне такого не мог себе позволить больше никто в РФ. Да и карт-бланш никто другой получить не мог: все-таки Чечня была особым регионом России. Ахмат Кадыров, а затем его сын Рамзан идеально отвечали кадровому запросу Кремля.

«Мы этого и не скрываем, что когда-то воевали против России, я тоже воевал в первую войну, об этом все знают. Впервые взял в руки автомат, когда мне не было и семнадцати лет. Тогда Джохар одурманил нас призывом защищать родину. И мы начали воевать, а когда поняли, что все это ерунда, что надо жить в мире с Россией, мы ушли⁴», — цитирует Рамзана Кадырова один из репортеров второй чеченской войны.

Люди, близкие к дудаевскому командованию, участие семнадцатилетнего Кадырова-младшего в тогдашних боевых действиях оценивают с известной долей скепсиса. Рамзан Кадыров по своему складу представитель поколения второй кампании, мужавшего между войнами и уже не обремененного иллюзиями чеченской независимости. Вторая война отличалась от первой: федералов и новых боевиков уже не объединяла общая советская ценностная база, которая делала первую войну не такой жестокой.

Взросление Рамзана — это раздел мира победителями-ичкерийцами, триумф безыдейного обоза, на плечах масхадовских соединений вошедшего в Грозный в августе 1996 года, пора масхадовского безвластия, торговли похищенными людьми, междоусобицы, в которой надо просто принять правильную сторону и найти себе надежную крышу.

Кадыров-старший не относился к людям, которых можно было одурманить. Для него переход на сторону федералов

был очередной, пусть и самой серьезной, политической интригой, а для его сына в этом и вовсе не было ничего принципиального. Рамзан продолжил дело отца — только куда более энергично и с куда более ясным пониманием того материала, который ему достался.

ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИЯ ЧЕЧНИ КАК СЕКРЕТ УСПЕХА

Необходимо учитывать чрезвычайно важный момент. За два года межвоенного хаоса, 1996-й и 1998-й, и за время второй войны произошла полная деидеологизация ичкерийской идеи, которая, впрочем, не была так уж популярна и в первую кампанию. Тогда война воспринималась не столько как попытка достичь независимости, сколько как результат исчезновения СССР, а его, несмотря на депортации 1944 года, значительная часть населения воспринимала с традиционной симпатией. Никто не знал, чем может закончиться «праздник непослушания», и когда он закончился войной, неприятие оккупации объединило людей. Так довольно органично оформился жанр национально-освободительной войны.

Вторая война собрала под своими знаменами тех, кого на всем Северном Кавказе потом еще много лет будут называть вооруженным подпольем, или «лесом». Его социально-политический состав был достаточно разнороден и в первую войну, когда всех можно было хотя бы формально объединить идеей независимости. Интегрирующей идеей второй войны и последовавшей за ней повсеместной «лесной» стадии постепенно становилась идея «исламского государства» — куда более химерическая, но и значительно более пластичная и универсальная, под нее можно было адаптировать противоречивые мотивации сопротивления.

Немало людей с криминальным прошлым брались за автомат и в первую войну, но этот «бэкграунд» коррелировал с царившим тогда общим настроением. Вторая война уже не требовала идейной мобилизации, в боевики уходили романтики, религиозные активисты, те, кто скрывался от

«кровников», самые обычные криминальные элементы и те, кто, скорее всего, пополнил бы их ряды, не случись войны, окопов, а потом и «леса». Идея «исламского государства» работала для всех, у кого были свои основания для отрицания имеющегося государства в принципе или его отдельных институтов.

Перед глазами Рамзана Кадырова были оба воевавших поколения. Удельный вес убежденных сторонников Ичкерии неуклонно снижался, немногочисленные уцелевшие политические оппоненты эмигрировали, военные лидеры вроде Доку Умарова вынуждены были приспособиться и к новому кадровому составу своих отрядов, и к смене идейной основы. Этой основой оставшиеся боевики вынуждены были объявить «Имарат Кавказ», с точки зрения социальной базы и военно-политических перспектив проект несостоятельный, истощение которого было лишь вопросом времени.

Рамзан Кадыров оказался куда более эффективным исполнителем «операции «Чеченизация», чем все предыдущие соискатели, в том числе и его отец, все же принадлежавший к поколению первой войны. В Чечне теперь сошлось все: режим личной поддержки Путина плюс готовность Кремля заплатить любую цену — и управленческая модель, которую выстроил Кадыров.

Как могли свободолюбивые чеченцы смириться с властью, моментально поставившей крест на всех свободах? Ответ на этот вопрос отчасти кроется в нем самом. И дело не только в том, что после войны чеченцы были довольны всем, хотя это тоже принципиальный фактор. При советской власти назначенный центром руководитель довольно скоро заключал с местными элитами, как на республиканском уровне, так и на местах, прежде всего в милиции, негласный договор о невмешательстве в повседневную жизнь, которая практически полностью регулировалась местными традиционными механизмами, уникальной местной смесью адата и договорной бюрократии.

Иначе говоря, чеченцы традиционно умеют не обращать внимания на власть, какой бы она ни была, а за годы войны население и вовсе научилось обходиться без власти. К тому же война решительно снизила планку бытовых запросов, сведя их по сути лишь к компенсации за утраченное жилье и имущество. И даже эти требования корректировала реальность, в которой компенсации часто сопровождалась 30–50-процентными откатами чиновникам.

Со стороны могло показаться, что Кадыров принципиально изменил структуру чеченского общества, навязав чуждый ему стиль власти: чеченцы гордились тем, что никогда не терпели автократического правления. Однако власть Кадырова скорее квазидиктатура семейного типа, в которой квазидиктатор пытается выглядеть современным. Новаторским в этой модели стало встраивание чеченского национализма в систему российского великодержавного патриотизма и такая же инкорпорация ислама в единый российский духовный механизм под идейным протекторатом православия.

Кадырову удалось выстроить жесткую иерархическую структуру, которая контролирует вопросы безопасности (силовики подчинены только ему), а также внутриэлитные процессы и идеологию — своеобразную и довольно вульгарную смесь официального, встроеного в государство ислама с традицией. Однако под жесткой корой режима общество, вынужденное согласиться на ритуал культа личности, достаточно свободно и критично, что, разумеется, пытается скрывать от посторонних. Такова модель современных отношений власти и чеченского общества, органично сложившаяся из объективных предпосылок и пронизанная субъективными токами режима власти одной личности.

В политической же плоскости общественные запросы и вовсе были нивелированы, что совершенно естественно для территории, население которой за десять лет привыкло жить в условиях войны. Требования к власти были самыми неприхотливыми и практически все сводились

к свободе передвижения и безопасности, прежде всего от федеральных военных — снятие блокпостов федеральных сил было не просто праздником, но и серьезным политическим успехом Рамзана Кадырова.

Что же до «леса», то тут можно привести весьма символическую историю второй половины нулевых годов, описанную в одной из грозненских газет. В этом сюжете важен каждый поворот. По анонимной наводке милиционеры застрелили лидера местных боевиков, навестившего свою подругу в Грозном. Через некоторое время эта подруга вышла замуж за одного из милиционеров, участвовавших в операции. Вскоре оба становятся жертвой боевиков. Но главное, в газете происшествие проходило по разряду обыкновенной криминальной хроники, и именно так оно уже всеми воспринималось.

Деидеологизация того, что происходило на протяжении более десяти лет, практически скрывает все противоречия, дала возможность и федеральной, и новой чеченской власти уйти от необходимости отвечать на вопросы новейшей чеченской истории. Это было чрезвычайно важно как для легитимации самого Кадырова и понимания его феномена, так и для реинтеграции Чечни. Закрытие темы войны, жертв и разрушений стало частью общественного договора между населением Чечни, Кадыровым и Кремлем, и каждая сторона должна была по-своему в этом поучаствовать. Население — не задавать вопросов и начать все с чистого листа; Кадыров — создать внешние условия жизни как в регионах, где войны не было, а Москва — все это оплатить и по возможности не вмешиваться.

Так явочным порядком сложилась формула «нового чеченского федерализма» — и довольно надолго. Это личный успех Рамзана Кадырова.

ГОРИЗОНТАЛЬ ПО ВЕРТИКАЛИ

Если отвлекаться от некоторых деталей чеченской истории, эта формула соответствовала новому пониманию отношений центра и региона. Москва отказалась от принципа

генерал-губернаторства, из которого исходила исторически, она даже легко отказалась от вечной позиции второго секретаря — при местном начальнике в национальном образовании всегда находился комиссар вроде второго секретаря ЦК, командированный из центра. Кадыров стал воплощением новой модели личной унии — отчасти равноправного союза, аранжированного под вертикальные отношения. Обе стороны были друг в друге заинтересованы — как никогда и никто в России прежде.

При такой схеме Кадыров выигрывал больше. Если для Путина мир в Чечне стал только одним, пусть и крупным, достижением, то Кадыров сделал свой подвиг самовоспроизводящимся. Заслуги за достигнутое в Чечне Кремлю приходилось делить с Кадыровым, причем именно он оказывался на первом месте. В отношениях с Кадыровым Кремль оказался в ловушке, похожей на ту, в которую попал с Лукашенко. Как и белорусскому президенту, Кадырову удалось выстроить некий симбиоз, в котором сильный элемент — Москва — постепенно оказывался все более зависимым от младшего партнера.

Каждый новый успех Кадырова повышал его значимость и увеличивал зависимость Кремля от его достижений. Наглядный пример — восстановление жилищной инфраструктуры Чечни. Во многом это произошло за счет самих жителей, во всяком случае в частном секторе, который даже в Грозном, по данным российских военных, в 2000 году составлял около 70% территории города⁵. Как объясняли посвященные местные финансисты, Кадыров не ждал денег из Москвы, он собирал их сам — с местного бизнеса, с удачливых чеченских предпринимателей, работавших за пределами республики, с приближенных, с бюджетников. Так же неформально происходило само строительство. А Москве предъявлялась итоговая смета, рассчитанная по всем формальным показателям и превосходящая реальные затраты в разы.

В федеральном Минфине все эти хитрости легко разгадывали, однако Кремль находил компромисс: Грозный

получал около половины того, что требовал, вполне этим удовлетворяясь. Эту же схему использовали в районах. Замглавы администрации в одном из горных чеченских сел рассказывал, как только что назначенный глава администрации вместе с друзьями-бизнесменами дал селу кредит. Расплатилось село без проблем и с лихвой, все по той же официальной смете, из денег, которые пришли по федеральной целевой программе из Москвы.

В Грозном хорошо понимали, что Москва не может позволить себе скупиться, тем более что подобные схемы стали к тому времени в высшей степени взаимовыгодными. Это укрепляло симбиотические отношения на нижних уровнях совместной модели (еще одно сходство с белорусским случаем). Более того, в Грозном и не собирались спорить с федеральными скептиками, подозревавшими, что «замкнутый» режим Кадырова в Чечне соответствует конституционному полю Российской Федерации не больше, чем режим Дудаева.

Кадыров демонстрировал свою «параллельность» федеральному центру, постоянно подчеркивая свое право на исключительность. Москва признавала чеченский случай особым и потому позволяла Кадырову выступать с самыми экзотическими с правовой точки зрения инициативами. Особенно если речь шла о борьбе с «лесом», где позволительным с самого начала было все — от массовых зачисток, в которых люди пропадали десятками, до уничтожения домов, принадлежавших родственникам боевиков.

В результате в Чечне сложилась уникальная для России политическая модель. Точной статистики сдавшихся боевиков нет, сам Кадыров весной 2015 года говорил о семи тысячах человек⁶. В любом случае это мощный социальный слой, из которого рекрутируются кадры для силовых структур Чечни. В основе — фактически собственная армия Кадырова, выросшая из Службы безопасности, личной охраны Ахмата Кадырова. Это была частная семейная армия, расквартированная по всей республике и легализованная в 2004 году. На командных позициях стояли люди,

связанные с семьей Кадыровых родственными или соседскими связями. В период с 2003 по 2006 год в ходе легализации были сформированы второй патрульно-постовой полк (так называемый ППС-2), полк вневедомственной охраны («нефтяной» полк), Антитеррористический центр, а также широко известные батальоны «Север» и «Юг».

Следствием деидеологизации конфликта стало появление большого количества молодых людей, для которых первичным был факт обладания оружием, а не то, с какой стороны линии фронта они находятся. Для многих вышедших из «леса» и для тех, кто в него не успел или не захотел попасть, служба в силовых структурах Кадырова стала альтернативой подполью, куда более безопасной и легальной. Такая взаимозаменяемость, с одной стороны, открывала новые перспективы в борьбе с сохранявшимся подпольем, с другой — создавала особый субкультурный колорит кадыровской власти.

Москву это, безусловно, настораживало, но по законам симбиоза она поддерживала своего партнера. В 2006 году в Москве в результате спецоперации был застрелен командир отряда спецназначения, один из близких к Кадырову людей Мовлади Байсаров⁷. В 2007 году Кадырову удалось добиться смены славившегося своей жестокостью руководителя оперативно-розыскного бюро (ОРБ-2), которое Москва отказалась перевести в подчинение Кадырова⁸.

В 2009 году с убийством Сулима Ямадаева была закончена история семьи Ямадаевых, «преторианцев» Ахмата Кадырова. Рамзан не забыл ни их высокомерия, ни выступления вместе с Байсаровым против него в 2006 году в конфликте с тогдашним президентом Чечни Алу Алхановым⁹. После 2009 года наиболее приближенными к Кадырову стали люди из его собственной обоймы, такие как Адам Делимханов, друг детства, прошедший с ним и «ичкерийские» 90-е. В то время Делимханов, по некоторым сведениям, работал водителем у известного террориста Салмана Радуева¹⁰.

Кремль сделал основную кадровую ставку именно на этот маргинальный социальный слой, который в условиях тотальной милитаризации и отсутствия легальной работы стал доминирующим. Место колониальной бюрократии в Чечне заняла зависимая только от Кадырова верхушка, которую в русском контексте можно было бы назвать «браткократией». Отношения в этом кругу строились по принципу того единоначалия, которым отличаются разветвленные криминальные структуры: при полном подчинении воле патрона члены этой структуры освобождаются от любых видов ответственности и пользуются всеми преференциями, которыми может поделиться патрон.

Кремль, возможно, это не очень тревожило. Однако Кадыров, напоминая о своей готовности быть «пехотинцем Путина», фактически добивался равноправия с ним. В результате «вертикаль» выглядела все более «горизонтальной». Чеченская традиция вышла за географические границы.

РЕЖИМ НЕПРЕРЫВНОГО ЧУДА

Деньги, которые шли в Чечню по описанным схемам, естественно, включались не в чеченский оборот, который оставался незначительным, а в общефедеральный, попадая в бизнес-структуры, подконтрольные или лояльные чеченской власти, то есть лично Кадырову. Эти структуры приобретали объективное конкурентное преимущество перед местным бизнесом. Впоследствии, когда практика федеральных целевых программ расширилась на весь Северный Кавказ, прежде всего на Дагестан, явление приобрело еще более системный характер, и чеченские особенности на этом фоне несколько нивелировались, но никуда не исчезли.

Экономическая экспансия была лишь одним из факторов наращивания Кадыровым общероссийского веса. Рамзан довольно быстро обозначил свои претензии на роль лидера всего Северного Кавказа. Ставшие регулярными конфликты с главой Ингушетии Юнус-беком Евкуровым — от рейдов чеченских силовиков в Ингушетии до террито-

риальных претензий Чечни к ней — даже некоторыми экспертами в Грозном расценивались как подготовительные мероприятия для реинтеграции двух республик в один субъект федерации под несомненным руководством Кадырова¹¹. Любая попытка примирения двух лидеров оказывается временной, поскольку Кадыров делает ставку на расширение, что превращает его в активного игрока во внутриполитических процессах в регионах по периметру Чечни. Чеченский лидер не скрывает, что готов использовать религиозный фактор и в Ингушетии, — Кадыров выступает во внутриингушском конфликте Евкурова с муфтием Ингушетии Исой Хамхоевым на стороне последнего и под знаком все той же борьбы с салафитами.

В бурном внутриполитическом противостоянии в соседнем Дагестане у Кадырова тоже есть своя роль. С Саидом Амировым, могущественным мэром Махачкалы, его связывали весьма сложные отношения, зато с контролирующим Кизляр еще одним сильным человеком Дагестана и врагом Амирова Сагидом Муртазалиевым он был достаточно близок. Несмотря на это, Кадыров позволил себе заступиться за Амирова, когда в 2013 году тот был арестован, хотя не мог не понимать, на сколь высоком уровне в Кремле был санкционирован этот арест. Нынешний лидер Дагестана Рамазан Абдулатипов не упускает случая поддержать своего соседа-коллегу даже тогда, когда Кадыров рискует проиграть, как это было в истории 2014 года с рейдом ставропольских силовиков в Чечне, закончившимся уничтожением жителя Чечни Джамбулата Дадаева¹². В приграничном Хасавюртском районе влияние Кадырова несомненно. Некоторые аналитики полагают, что и последние волнения, связанные с закрытием салафитских мечетей, связаны с Кадыровым.

«Чудо возрождения Чечни» требовало повседневного воспроизведения и развития. Поначалу, в годы бесперебойного действия особого договора, проблем с этим не было, и дело было не только в безотказной поддержке Москвы. «Рынок чудес» был емким и некапризным, нарасхват шло все, что предлагалось: отремонтирован-

ные дороги, исчезновение блокпостов, тишина по ночам. Затем школы и детские сады. Потом — парки и стадионы. Выросло поколение, которое искренне надевало майки с портретом Кадырова. В конце нулевых местные молодые телевизионщики восхищались своим лидером: «Спасибо ему за то, что у нас есть футбольная команда, волейбольная и, иншалла, будет хоккейная».

«Сектор государственных чудес» под условным лозунгом «Жить как другие» для тех, кто больше десяти лет жил в условиях войны, казался неисчерпаемым. Лозунг постепенно трансформировался в «Жить лучше, чем другие», от чего у людей, которым надо было забыть войну, не могло не захватить дух, пусть даже граждане ничего от того же массового строительства не получали — отстроенный центр Грозного заселялся довольно вяло. Благодаря своей экстравагантной репутации Кадыров мог не бояться, что в нем разочаруются, — чеченцы как безобидный анекдот обсуждали выступления, в которых он предлагал то вывести особую чеченскую породу лошадей, то запустить первого чеченца в космос.

Между тем за исключением отдельных незначительных знаков внимания, которые оказывались Кремлем, главной льготой по контракту оставалась фактическая экстерриториальность Кадырова. Случаев столкновения интересов было мало, но они вызывали крайне болезненную реакцию Рамзана. Цена отказа в просьбе передать Чечне контрольный пакет «Грознефтегаза» была не так уж и высока по сравнению с теми бонусами, которые Кремль предоставил Чечне; к жалобам 2012 года о том, что из-за недобросовестности «Роснефти» республика недополучает 70–80% налогов, Кремль остался равнодушным¹³. Так же отчаянно бился Кадыров за право не платить за электроэнергию, и здесь он своего добился: 16 млрд рублей задолженности за период с 1999 по 2009 год были списаны.

Кроме чистой экономии для Кадырова был важен прецедент: в первом случае — вторжения на его политико-экономическую территорию, которое должно быть

обозначено как исключение из его эксклюзивных правил в отношениях с Москвой; во втором — сохранения возможности продолжать существовать по этим правилам. А сомнения в этом стали появляться задолго до того, как Кадыров стал регулярно напоминать о своем желании уйти в отставку.

ГЛАВА РЕСПУБЛИКИ ФЕДЕРАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

С окончанием 2000-х годов «рынок чудес» восстановления республики стал обнаруживать признаки насыщения. Новые объекты воспринимались как излишества и гигантомания, лишения военного времени стали забываться. Чечня фактически превратилась в обыкновенный регион России — пусть и восхищающий приезжих, привыкших видеть Грозный по телевизору похожим на разрушенный Сталинград, — только крайне дотационный, в котором из всех доступных мест работы функционирует исключительно огромный рынок. Постепенно стала иссякать популярность Кадырова у молодежи. Поколение, которое довольно успешно воспитывалось как фан-клуб, выросло и обнаружило полное отсутствие социальных лифтов. Ближний круг Кадырова тоже привлекает далеко не всех в силу специфики царящих там отношений.

Сама природа успеха Кадырова не могла не умножить количество врагов, и боевики среди них не самые страшные. Их ему как раз удалось если не окончательно нейтрализовать, то по большей части вытеснить за пределы Чечни, прежде всего в Дагестан и Ингушетию, где они маргинализуются, тем более что в Дагестане есть свое, довольно хорошо организованное подполье.

Первых своих серьезных противников — федеральных силовиков — Кадыров получил в наследство от отца. На это противостояние и отец, и сын были обречены просто потому, что их власть, во-первых, не терпела присутствия неподконтрольных вооруженных людей, а во-вторых, вопрос освобождения Чечни от федеральных военных был первым и главным пунктом негласного договора

Кадыровых с населением, которое все-таки чем-то надо было привлечь. Это был самый деликатный момент замирения — Кремлю пришлось выбирать между Кадыровым и людьми в погонах, расположение которых было для российской власти одним из приоритетов. Разрешить противоречие между Кадыровыми и военными можно было только волевым решением президента страны, он его принял, заложив зерна конфликта в свой договор с Кадыровым.

Безусловными противниками Кадырова стали также федеральные чиновники хозяйственно-экономического блока правительства, а также аффилированный с ними бизнес. Их конфликты с Кадыровым были заложены в самой программе восстановления Чечни, где исполнителем и подрядчиком хотел быть каждый.

Кадыров со своими невиданными льготами не вызывал никакого восторга у региональных элит. Руководство Северо-Кавказского федерального округа регулярно транслировало в Кремль сигналы повсеместного недовольства Кадыровым. При этом сам Кадыров будто специально продолжал подставляться под подозрения в продолжении дела Дудаева. Он выбивал особое положение не только для себя лично, но и для Чечни в рамках федерации, во многих юридических вопросах настаивая на фактически конфедеративном характере отношений Москвы и Грозного.

С этим не было проблем, пока в Чечне происходило бурное «чудо восстановления». Проблемы появились, когда дальнейшее взрывное развитие стало невозможным. Решив послевоенные задачи и выполнив обещание сделать Чечню такой же республикой РФ, как остальные, Кадыров сократил собственный политический ресурс — ничем особенным выделиться он уже не мог.

«Меня волнует не только то, что происходит в Ингушетии, но и в Москве, в Сибири. Если где-то происходит что-то, что дает плохой оттенок для России, меня это волнует. Если есть успех — то меня это радует.

Террористам не место ни на Кавказе, ни в России и даже в мире», — говорил он в 2012 году в интервью Би-би-си¹⁴, обозначая политическое кредо, которое логически следовало из эксклюзивного договора с Путиным. Кадыров позиционировал себя как политик федерального масштаба, и это не тщеславие, а политическая технология.

В поисках новых путей самоутверждения Кадыров избрал ислам. В этом, учитывая его семейную историю, не было ничего неожиданного. Поначалу ислам традиционного для Чечни суфийского толка был инструментом в пропагандистской борьбе с подпольем, объединившимся под знаменами «исламского государства». «Традиционный ислам всеми приветствуется. У нас нет других течений и не будет. Мы не воспринимаем те течения, которых не было во времена Пророка. Наш традиционный, чеченский, кавказский, российский ислам — его мы будем придерживаться, на нем строить наше будущее», — объяснял Кадыров в том же интервью Би-би-си. Продолжая линию на особое устройство Чечни, он настаивал на нормах шариата как законодательной основе¹⁵.

Однако в Чечне, принявшей ислам сравнительно поздно, он не стал таким существенным фактором, как, к примеру, в соседнем Дагестане, который для Северного Кавказа всегда был в религиозно-культурном отношении источником распространения идей, того же, кстати, ваххабизма, как здесь было принято называть салафизм.

При довольно неофитском отношении к религии ислам в Чечне стал частью государственной идеологии, в которой религия порой вульгарно смешана с нормами адата. Поэтому, с одной стороны, официальный ислам становится частью повседневности, к нему привыкают, а с другой — жесткий контроль (традиционная жесткость официальных конфессиональных руководителей усугубляется личной пристальностью Кадырова) вызывает протест. Он не носит столь массового характера, как в Дагестане, — в Чечне подполье практически деморализовано и рас-

сеяно, но, возможно, по этой причине религиозный протест канализируется в интерес к ИГИЛ (запрещенная в России организация), побег в которое уже фиксировался в Чечне и на верность которому присягают руководители подполья.

Между тем степень исламизации Чечни не так опасна, как иногда заявляют оппоненты Кадырова. Дагестанская схема религиозного ухода в «лес» в Чечне не столь актуальна по причине фактической ликвидации подполья. Кроме того, протестные настроения в Чечне реализуются не в форме противостояния с властью, а в виде эмиграции. Но и это явление скорее является реакцией на экономическую ситуацию, что еще раз подчеркивает: ресурсы дальнейшего развития кадыровского феномена внутри республики исчерпаны.

Тем не менее исламский подход позволил Кадырову «глобализоваться», причем не только в масштабах России, но и шире: он «проводник интересов» не только всех чеченцев, как прежде, но и всех российских мусульман. Встроив ислам в единый, можно сказать, синкретический духовно-государственный механизм, Кадыров выступает от лица не «чеченского», а, как он иногда говорит, «общероссийского» ислама в связях с внешним миром, прежде всего с Ближним Востоком.

Тяготение к классическому исламскому Востоку отец Рамзана проявлял, еще будучи муфтием масхадовской Ичкерии — тогда он посещал и Египет, и Саудовскую Аравию. В 2004 году, прибыв в Саудовскую Аравию уже как президент Чечни, он выступил за превращение Чечни в связующее звено между Москвой и Эр-Риядом¹⁶. Рамзан Кадыров сделал эту линию одной из основных в своей политической карьере. Он дважды посетил Мекку. Его принимали короли Саудовской Аравии и Иордании, он дважды встречался с палестинским лидером Махмудом Аббасом. В ноябре 2013 года Кадыров отправлялся за инвестициями в ОАЭ, Иорданию, Бахрейн и Саудовскую Аравию. Он приглашал известных теологов, он звал

вернуться на родину 130 тысяч представителей чеченский диаспоры Турции. Словом, он провозглашает Чечню мусульманским центром, будто олицетворяя одну из орлиных голов российского герба.

Между тем реальные иностранные инвестиции в Чечне пока ограничиваются лишь вложениями в грозненские небоскребы и гостинично-развлекательные комплексы. Но, по мнению некоторых экспертов, все вместе выглядит удачным пиар-ходом самого Кадырова, осваивающего нишу главного российского эмиссара на исламском Востоке¹⁷. Кроме того, по мнению некоторых наблюдателей, король Иордании интересуется Кадыровым для контроля возможного чеченского участия в конфликтах на Ближнем Востоке¹⁸.

Подобную активность едва ли стоит рассматривать как поручение Путина, скорее это самореализация Кадырова, попытка расширить зону своего влияния и продолжение строительства политической пирамиды, против чего Кремль не возражает. Однако все эти построения не уберегли Кадырова от больших политических трудностей. И дело здесь не только в активности его бесчисленных противников или в том, что ресурсы для этой пирамиды исчерпаны. Просто изменилась сама модель отношений. Старый договор постепенно утратил силу, а в новом былой эксклюзивности уже не будет.

ПОСЛЕДНЯЯ ПРЕФЕРЕНЦИЯ ДЛЯ БЫВШЕГО ФАВОРИТА

Контуры нового договора, возможно, просматриваются в конфликте Кадырова с южносахалинской прокуратурой, признавшей экстремистскими строки из Корана¹⁹. Все, казалось бы, как прежде: Кадыров снова и так же громко защищает права мусульман, как их не сможет защитить никто другой. Но изменился контекст.

Эксклюзивность прежнего договора с самого начала создавала Кремлю неудобства, поскольку усложняла схему управления, порождая конфликты там, где они были

совсем ни к чему — в самом ближнем кругу Путина. Но их приходилось терпеть как издержки общей формулы отношений. Противоречие могло решиться либо пересмотром всей модели, либо его исключением.

Случилось и то и другое.

Чечня перестала быть проблемой федерального значения, в том числе и благодаря полному и неукоснительному исполнению прежнего контракта с Кадыровыми. То, что в Кремле уже не так охотно соединяют Кадырова с первым лицом государства, в Грозном в открытую признавали еще в 2013 году, добавляя, что трудности нарастают уже несколько лет. После каждого эпизода, в котором Москва принимала сторону Кадырова, шла ли речь об убийствах политических противников, противостоянии с Алу Алхановым, которого Кремль сместил в итоге в пользу Кадырова, множилась усталость центра, и счет к Кадырову становился все больше.

В 2013 году, как признавали в грозненских кулуарах, в Грозном стали нервничать всерьез, особенно после ареста мэра Махачкалы С. Амирова. Такого удара по северокавказским элитам не было никогда, и, хотя никто по-настоящему не опасался повторения этого сюжета в Грозном, стало понятно, что правила игры меняются. На самом деле они поменялись не в одночасье. Прекращение в 2012 году действия федеральной целевой программы восстановления Чечни было результатом долгой закулисной борьбы, которую Кадыров, просивший продлить действие программы до 2017 года²⁰, проиграл.

Чечня утратила свою экономическую эксклюзивность, проходя строкой в общекавказских целевых программах «Юг России (2014–2020 годы)» и «Развитие Северо-Кавказского федерального округа на период до 2025 года». Рассказывая об этих программах, министр по делам Северного Кавказа Лев Кузнецов говорит о трудностях в Ингушетии, Дагестане, но ни разу не упоминает Чечню и Кадырова²¹.

Если начало «проекта «Кадыров» федеральная власть нащупывала интуитивно, новые отношения формируются более уверенно. Последовавшее после ареста Амирова затишье показало, что ожидание больших перемен было чрезмерным и долгосрочной стратегии у Кремля нет. С практической точки зрения дело Амирова так и осталось фактом исключительно дагестанской политики. Но в Кремле не торопились развеять всеобщее северокавказское беспокойство. Кроме явных неудобств с Кадыровым, которые вносили ненужную сложность в систему, были тому и объективные факторы.

В условиях консолидации элит — то, что такая консолидация необходима, стало очевидно накануне тяжелого в экономическом плане окончания 2013 года и последовавшего в 2014 году дальнейшего внутри- и внешнеполитического осложнения — система взяла курс на снижение внутренней конфликтности, которую вольно или невольно провоцировали сильные люди на местах. Первой республикой, которую Кремль решил привести хоть в какой-то порядок, был Дагестан, где центром внутренней конфликтности был Амиров — его присутствие обрекало на неудачу и сами эти попытки, и отправленного руководить республикой Рамазана Абдулатипова. Кадыров такой опасностью не был и едва ли когда-нибудь станет, но он оставался источником внутриэлитных конфликтов в Москве. Исходя из условий первоначального контракта с Кремлем, Кадыров верил в то, что является политиком общероссийского масштаба и одновременно экстерриториальной фигурой. В глазах Кремля, однако, резонов для продолжения статус-кво уже больше не было.

И дело было не в убийстве Бориса Немцова 27 февраля 2015 года и «чеченском следе» в его расследовании, после которого политические трудности Кадырова стали очевидными. Как показали не только дальнейшие, но и предшествовавшие события — прежде всего, небывалый прежде чеченский рейд ставропольских силовиков, — сигналом к атаке на Кадырова могло стать все что угодно. Не было

последней капли. Просто пришло время переписывать контракт.

Кадыров принял сигнал — вместе с новой реальностью и новой редакцией контракта. После нескольких ритуальных заявлений о готовности уйти в отставку, где понятная обида смешивалась с незатейливым шантажом, в который никто не поверил, стало очевидно, что давление на Кадырова тщательно дозируется и четко координируется. Никаких реальных потерь, кроме имиджевых (связанных с фактическим обнаружением того факта, что он больше не фаворит номер один), он, в общем-то, не понес. Ему списали долги за электроэнергию, что является скорее политическим жестом, чем экономическим, телеканал НТВ показал фильм про Кадырова, в котором отмечает его заслуги перед Россией. При этом южносахалинскую историю, где местный суд признал выдержки из Корана экстремистскими, Кремль поначалу демонстративно проигнорировал, а когда страсти улеглись, президент Путин и вовсе предложил декриминализовать возможные двусмысленности священных тестов. Проигнорировал Кремль и мнение Кадырова, когда был арестован близкий к нему «хозяин» соседнего с Чечней дагестанского Кизляра Сагид Муртазалиев.

ЭСКИЗ НОВОГО КОНТРАКТА

С формальной точки зрения в стилистике ничего не изменилось. Защищая Коран от южносахалинской прокуратуры, Кадыров публично пригрозил судье и прокурору. Что, опять же с формальной точки зрения, справедливо настоярило правозащитников и должно было заинтересовать правоохранительные органы. С практической и политической точек зрения не произошло ничего экстраординарного. Кадыров выступил в том же жанре, что и раньше — в конфликте с чеченской правозащитной организацией «Комитет против пыток», чей офис подожгли в Грозном в декабре 2014 года²². Своей очередной демарш Кадыров устроил в то самое время, когда один из ближайших к нему людей, Руслан Геремеев, по-прежнему разыскивается по делу Немцова, но реабилитация самого Кадырова по НТВ

уже состоялась. Точку поставил Путин, публично заявивший, что он доволен работой Кадырова. Это дает основания предположить, что определенная ясность в модели отношений «Кремль — Кадыров» наступила и публичное унижение в процессе реформирования отношений не входит в планы Кремля.

Жанр не изменился, но интенсивность и размах выступлений Кадырова говорят о том, что стиль пусть и незначительно, но все же корректируется. С виду Кадыров, демонстративно играющий на самых явных фобиях российского общества — с призывами к возрождению термина «враги народа» и соответствующего обращения с теми, кто будет ими признан, — ведет наступательную игру. На самом деле он скорее обороняется. Конечно, у Кадырова остается его основной «экспортный» идеологический товар — «пехотинцы» Путина и радикальный консерватизм в любом политическом выражении. Он показывает федеральной власти, что политическую нишу хунвэйбинов в возможной «культурной революции» он готов заполнить и лучше него никто с этим не справится. Однако не менее важной является попытка снова настоять на статусе Чечни как особого региона, где априори предполагается, что федеральные законы действуют условно. В самой Чечне уже привыкли, что законы носят скорее демонстративный, а иногда и экзотический характер. Попытка Кадырова закрепить это на федеральном уровне если не окончательно легализует такие принципы в самой Чечне, то не оставляет надежд на их пересмотр или какую-то помощь извне. Причем касается это как простых жителей, так и кадыровской элиты. Она, не неся ответственности ни за что, в том числе и за действия патрона, вынуждена при такой постановке вопроса поддерживать нынешнюю модель особенной Чечни во главе с Кадыровым.

Элементы прежних отношений важно сохранить хотя бы внешне, поскольку в новом формате отношений с федеральным центром Кадыров теряет позицию фаворита — и восстановить ее уже вряд ли удастся: модель меняется и в силу

внутренних причин, и под воздействием политического кризиса. Есть ближний круг консолидированной элиты — и есть те, кому в нее попасть не суждено просто по статусу. Региональные лидеры в эту элиту больше не входят, они уже не обладают федеральным статусом, а Рамзан Кадыров пусть и с некоторыми дополнительными атрибутами, но все же по политической сути региональный лидер. Исключений больше нет: Рамзан Кадыров — первый среди вторых, у него больше нет особых прав на внеочередное попадание к президенту и на прямую связь с ним, которая, впрочем, и прежде была достаточно мифологизирована. Он больше не может ссылаться на кремлевскую волю в полемике с Минфином и другими ведомствами, которые, впрочем, будут продолжать предоставлять Чечне преференции, но только те, которые санкционирует Кремль.

Чечня по-прежнему вотчина Кадырова, но силовой этап ее возрождения закончен, и в новой модели нет ничего про силовую экстерриториальность. Исключение этой статьи из нового контракта не означает, что теперь любой федеральный человек в погонах может планировать операции в Чечне так же, как их планировал Кадыров в Ингушетии. Просто теперь то, что раньше считалось невозможным, как нарушение физического закона, теперь возможно, а это уже другая реальность, с которой Кадырову предложено считаться. Впрочем, никто не запрещает ему выражать свое возмущение самым экстравагантным способом — эта льгота, похоже, сохранена. Что тоже вполне логично. Кстати, рейды в Ингушетию он уже довольно давно не совершает, ему приходится, повторимся, менять модель своего участия в жизни соседних регионов.

Судя по всему, в Кремле осознали одно из главных достижений Кадырова — ту самую деидеологизацию, в рамках которой война вспоминается только как повод для списания долгов, а о сепаратизме говорят только ичкерийские эмигранты. Амнистия прошла — в довольно необычной форме: люди, которые одну или обе войны находились по разные стороны линии фронта, сегодня одинаково встроены в чеченскую жизнь, вчерашние противники могут

сидеть в одном кабинете и ходить друг к другу в гости. То, что их разделяло, давно не считается поводом для вражды — и действительно на личностном уровне пережито и стало непринципиальным.

Даже среди недоброжелателей Кадырова работать на него не считается чем-то постыдным. И дело не в том, что работать где-то надо, — просто Чечня уже не конфликтная зона, а обычная республика, да и сам Кадыров уже не символ. Соответственно, успокаивается и его элита, получившая сигнал, что былой эксклюзивности у патрона уже нет. В самой Чечне это ничего принципиально не меняет, лишь подчеркивает, что особый чеченский проект подошел к концу. В будущем если Чечня и будет получать какие-то преференции, то не в силу своей особенности, а исключительно по причине бедности и благодаря обычным неформальным договоренностям чиновников. И наконец, новый контракт, несмотря на описанные выше усилия Кадырова, вероятно, все-таки закроет тему претензий Грозного на лидерство в регионе.

Судя по всему, за Кадыровым остается статус почетного российского посланника в мире, причем не только исламском. В этом статусе он никому в Кремле не мешает, особенно сегодня, когда его незатейливая риторика соответствует официальным информационным подходам и антизападным выступлениям. Понятно, что российско-исламские инициативы и отношения реализуются на другом уровне и широко освещавшийся визит короля Иордании в Чечню по личному приглашению Кадырова был важен для обеих сторон: в Иордании достаточно влиятельна еще с мухаджирских времен диаспора из Чечни. Но российско-ближневосточные связи — тема достаточно деликатная, и в Кремле могут считать оправданным спорадическое участие Рамзана Кадырова.

Несколько другая ситуация сложилась в отношении активности Кадырова в украинском конфликте, и это тоже показательно. В Кремле, судя по всему, верят Кадырову, называющему себя «пехотинцем Путина», на слово, без

предъявления доказательств вроде участия чеченских подразделений в Донбассе (как и специальных эмиссаров, якобы внедренных в структуры и лагеря ИГИЛ). Выступать в символической роли на отдельных направлениях внешней политики — да. Совершать конкретные действия, особенно силовые, — нет.

Такова модель договора 2015 года, в котором по большому счету Кадырову за его заслуги из всех бывших преференций осталась лишь льгота быть *enfant terrible* российской политики — не такая уж и незначительная по нынешним временам. Внутренние и внешние политические факторы говорят, что, если не случится чего-то совсем уж экстраординарного, новый контракт может оказаться таким же продолжительным, как и прежний. Формальный повод для его подписания появится уже в апреле 2016 года, когда у Кадырова истекает срок президентских полномочий — и до выборов в сентябре он станет временно исполняющим обязанности главы республики.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Договоры о разграничении полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации // <http://www.politika.su/reg/dogovory.html>.
- 2 Минтимер Шаймиев: «Каждый сам должен отвечать за свои поступки». — Государственный советник Татарстана // <http://shaimiev.tatarstan.ru/pub/view/876>.
- 3 Руслан и его братья. — Огонек. — 2008. — 5 октября (<http://www.ogoniok.com/5066/11/>).
- 4 Андрей Югов. Президентский спецназ (Кавказ.Страна.Ру) // <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2003/12/m15978.htm>.
- 5 Журналистам обещают предоставлять более полную информацию о ходе антитеррористической операции в Чечне. — Первый канал. — 2000. — 26 января (<http://www.1tv.ru/news/social/112450>).
- 6 Кадыров выступил за амнистию большинства задержанных ранее в Чечне боевиков. — Интерфакс. — 2015. — 3 марта (<http://www.interfax.ru/russia/427708>).
- 7 Застрелен командир специального отряда «Горец» Мовлади Байсаров. — Кавказский узел. — 2006. — 20 ноября (<http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/103843/>).
- 8 После смены начальника ОРБ-2 Кадыров похвалил сотрудников бюро за отличную службу. — Newsru.com. — 2008. — 30 июля (<http://www.newsru.com/russia/30jul2008/obr2.html>).

- 9 Полицейский генерал А. Алханов занимал пост президента Чеченской Республики с 2004 по 2007 год. См.: *Алленова О.* Завари потихоньку калитку. — 2007. — 16 июля (<http://www.kommersant.ru/doc/782244>).
- 10 Адам Делимханов // <http://lenta.ru/lib/14163166/#38>.
- 11 *Садулаев Г.* Разделим по-братски. — Однако // <http://www.odnako.org/magazine/material/razdelim-po-bratski/>.
- 12 Глава Дагестана поддержал Кадырова. — Газета.ру. — 2015. — 28 апреля (http://www.gazeta.ru/social/news/2015/04/28/n_7150889.shtml).
- 13 <http://forbes.ru/article.php?id=237592>.
- 14 Кадыров: «Чтобы меня очернить, пойдут на что угодно». — Русская служба BBC. — 2012. — 18 сентября (http://www.bbc.com/russian/russia/2012/09/120918_ramzan_kadyrov_interview).
- 15 «Путин — мой идол!» Рамзан Кадыров дал бесценное по откровенности интервью. — Ведомости. — 2010. — 26 октября (http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2010/10/26/putin_moj_idol).
- 16 <https://russian.rt.com/inotv/2014-01-17/Al-Monitor-Rossiya-ispolzuet-SHechnyu>.
- 17 Поездки Кадырова на Ближний Восток — не что иное, как пиар-ход: эксперт. — Regnum. — 2015. — 23 июля (<http://regnum.ru/news/polit/1945407.html>).
- 18 Король Иордании посетил Кадырова, чтобы поговорить о чеченских боестычках на Ближнем Востоке, догадались западные СМИ. — Newsru.com. — 2014. — 25 июня (<http://palm.newsru.com/russia/25jun2014/iordan.html>).
- 19 Кадыров пригрозил «лично призвать к ответу» судью из Южно-Сахалинска. — 2015. — 9 сентября (<http://www.rbc.ru/politics/09/09/2015/55f02d909a79474b1cfa69d9>).
- 20 Доклад Кризисной группы №236 (Европа), 30 июня 2015 года.
- 21 Лев Кузнецов: «Как бы ни было тяжело, мы должны затянуть пояса в социальных расходах». — 2015. — 14 сентября (<http://www.kommersant.ru/doc/2809511>).

- 22 *Кашин О.* Рамзан Кадыров против Игоря Каляпина: неразрешимый конфликт. — Slon.ru. — 2014. — 15 декабря (http://slon.ru/russia/ramzan_kadyrov_protiv_igorya_kalyapina_nerazreshimyy_konflikt-1195199.xhtml).

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Основанный Фондом Карнеги за Международный Мир Московский Центр Карнеги начал работу в 1994 г. Эта исследовательская организация объединяет ведущих российских экспертов с их международными коллегами и сотрудниками других центров Карнеги для изучения коренных проблем российской внутренней политики, экономики и международных отношений и является своего рода форумом свободной дискуссии по ключевым аспектам современной общественной жизни.

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР

Основанный в 1910 г. Фонд Карнеги является ведущей негосударственной экспертно-аналитической организацией, специализирующейся на международных отношениях. Это первая действительно глобальная научно-исследовательская организация, имеющая офисы в Вашингтоне, Москве, Пекине, Бейруте и Брюсселе.

© 2016 *Carnegie Endowment for International Peace*. Все права защищены.

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступает с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

@CarnegieRu

facebook.com/CarnegieMoscowRu